

С О О Б Щ Е Н И Я

Вопросы истории Великого Новгорода

(До включения его в состав русского централизованного государства)

А. Монгайт и Г. Фёдоров

История Великого Новгорода — крупнейшего центра Северной Руси — неизменно привлекала и привлекает к себе внимание учёных. О Новгороде много писали и русские дореволюционные и советские историки. Особенно плодотворны были за последние десятилетия археологические исследования этого древнейшего северного русского города. Для характеристики Новгорода и его судеб мы располагаем большим и разнообразным материалом. До настоящего времени, однако, не была сделана попытка создать обобщающий труд, освещающий жизнь Великого Новгорода в последовательном хронологическом изложении и на основе всех видов источников, — труд, в котором была бы показана специфика исторического развития Новгорода и северо-восточных русских земель; полностью раскрывалась бы роль Новгорода в русской и мировой истории, его значение как одного из важнейших центров русской культуры.

Настоящей статьёй авторы хотели бы обратить внимание научной общественности на необходимость создания такого труда и в порядке обсуждения рассмотреть те вопросы из истории Великого Новгорода, которые в свете достижений советской исторической науки представляются наиболее важными.

★

До сих пор в нашей литературе отсутствует научная периодизация истории Великого Новгорода.

М. Н. Покровский, исходя из своей порочной концепции торгового капитализма, создал совершенно неудовлетворительную периодизацию истории Новгорода: до XIII в. — господство родовой знати, или «аристократии породы», в XIII в. — период демократии, XIV—XV вв. — господство торгового капитала. Эта антинаучная периодизация была подвергнута в нашей исторической литературе уничтожающей критике. Особенно убедительно подверг критике периодизацию Покровского специалист по археологии Великого Новгорода А. В. Арциховский¹. Однако, доказав антиисторич-

ность и порочность периодизации Покровского, А. В. Арциховский не дал вместо неё своей периодизации новгородской истории.

Покойный К. В. Базилевич предложил схему периодизации истории СССР, в основу которой было положено изменение социально-экономических отношений². Если применить этот же принцип к периодизации истории Великого Новгорода до вхождения его в состав русского централизованного государства, то можно наметить три периода: период распада родового строя и создания сельской общины, роста имущественного неравенства, выделения племенной знати и начала превращения её в господствующий класс. В этот период на северо-западе восточнославянских земель создаётся союз славянских и неславянских племён, послуживший основой для дальнейшего образования Новгородского государства. В результате развития ремесла и торговли племенные центры в этот период превращаются в города.

Далее может быть выделен период, когда Новгород входил в состав Киевского государства (IX—XI вв.). Он характеризуется формированием феодальных отношений, закабалением смердов, значительной ролью князя и княжеской дружины в истории Новгорода.

И, наконец, третий период — феодальный (XI—XV вв.)³, период расцвета и падения новгородской боярской республики, обострения классовых противоречий, подъёма ремесла, торговли, культуры и внешнеполитической активности Новгорода.

Исходя из указания И. В. Сталина о двух функциях государства⁴, внутри этого периода следует различать два этапа политической истории Новгородского государства.

² К. Базилевич «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 11 за 1949 год

³ XV век здесь взят в качестве исторической границы, разумеется, не как конец феодального периода, а как конец независимости Новгорода.

⁴ См. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604. 11-е изд.

¹ А. Арциховский. К истории Новгорода. «Исторические записки» № 2 за 1938 год. М.

Первый этап — до второй половины XIV в., когда новгородское боярство было вынуждено считаться с силой сопротивления эксплуатируемых масс и управлять государством, сохраняя республиканские вечевые учреждения. Это было время сильнейшей внешней экспансии Новгорода. В этот период Новгород как передовой пост русских земель вёл борьбу против немецкой и шведской агрессии. Этим определялась важнейшая роль Новгорода как города, представлявшего и защищавшего общерусские интересы. Активность народных масс определяла в это время прогрессивность внешней политики Новгородского государства.

Второй этап охватывает время со второй половины XIV в. до XV века. На фоне общего подъёма русских земель и развития центростремительных сил в экономике и политике, облегчавших создание русского централизованного государства во главе с Москвой, политика новгородской боярской аристократической республики становилась всё более реакционной. Сепаратизм новгородских бояр, начиная с отказа от участия в общерусских мероприятиях (Куликовская битва), приводит их к прямой измене и заключению вассального договора с Литвой. Этот этап характеризуется наибольшим обострением классовых противоречий, выразившихся в народных восстаниях, упадком вечевых учреждений, усилением влияния совета господ.

В буржуазной историографии, начинавшей историю России с пресловутого призвания варягов, Великий Новгород занимал особое место как город, где было положено начало русской государственности. Советская историческая наука, разрушившая норманистские построения буржуазных учёных, на несколько столетий углубила начало русской истории. История русского государства начинается отсюда не с момента появления первых летописных князей в IX в., а значительно раньше, со времени, когда возникли экономические, социальные и политические условия, подготовившие образование государства.

Историко-возникновения древнерусского города советские историки также значительно отодвинули в глубину веков. Раньше историю городов обычно начинали с первого упоминания о них в летописи, т. е. со времени, когда они являлись уже развитыми ремесленными, торговыми и административными центрами. Теперь благодаря археологическим исследованиям строго научную почву получила проблема возникновения и развития городов в VIII—IX веках.

Благодаря привлечению археологических данных за последнее время стала чётко обрисовываться история племён «Повести временных лет» — обширных объединений восточного славянства, предшествовавших возникновению древнерусского государства. Область новгородских славян определяется археологами по своеобразным па-

мятникам — огромным курганам округлоконической формы, так называемым сопкам. Сопки — это коллективные погребальные сооружения, усыпальницы групп родственных лиц, удерживающие ещё черты обрядности родового строя. Основная масса этих сооружений относится к VII—VIII вв., но имеются сопки и более раннего происхождения — VI—VII веков. Район их распространения — бассейн озера Ильмень, течение рек Ловати, Волхова, Мсты и верхнее течение Мологи⁵.

В состав Новгородской земли частично вошли территории, принадлежавшие в древности и другому славянскому племени — кривичам. Для них характерным археологическим признаком являются так называемые длинные курганы — овалы или валообразные насыпи, содержащие внутри, подобно сопкам, остатки многих трупосожжений. По времени они синхроничны сопкам⁶. Судя по данным летописи, так же как и по распространению «длинных курганов», кривичские поселения на севере доходили до Чудского озера, а город Изборск был одним из древнейших центров этого племени. Археологические раскопки последних лет доказали, что и древний Псков возник и развился на базе кривичского поселения VII—VIII веков⁷.

Резкой границы между областями распространения «длинных курганов» и сопки нельзя провести даже для VII—VIII веков. В IX—X вв. мы уже имеем чисто территориальное деление северных славян, пришедшее на смену старому — племени.

Новгород возглавлял обширную область, населённую многочисленными славянскими и неславянскими племенами. Пестрота этнического состава новгородской земли не помешала её политическому объединению. Ему способствовала в IX в. борьба с грабителями — норманнами.

Исследования памятников материальной культуры и письменных источников позволяют сделать вывод, что прочные связи между ильменскими словенами и кривичами и неславянскими племенами: водью, ижорой, карелой, чудью, мерей, весью — возникли ещё в первой половине первого тысячелетия. Эти связи усиливаются в период создания Новгородского государства. Процесс ассимиляции неславянских племён, слияния их со славянами, происходил не за счёт военных захватов, а прежде всего был результатом культурного и экономического влияния, результатом сплю-

⁵ См. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, стр. 93 и сл. 1941. П. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Там же, стр. 37 и сл.

⁶ См. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 39.

⁷ См. С. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. Краткие сообщения ИИМК, стр. 104—112. Вып. XXVII. 1949.

чения племён вокруг новгородских славян перед лицом общего врага — сначала норманской, а потом немецкой, шведской и датской агрессии.

Ильменские славяне и кривичи, обладавшие наиболее развитой экономикой и культурой, играли главную роль в объединении племён. Они являлись основой того нового этнического массива, который стал одной из двух важнейших составных частей в образовании русской народности — северных великороссов. Племенные языки одних неславянских племён постепенно отмирали, уступая место русскому языку, который стал и государственным и общенародным. Другие неславянские племена, вошедшие в состав Новгородского государства, например карелы, сохранили свои этнические признаки, но и в их языке и культуре сказались сильное влияние славян⁸. Политическое объединение племён, возникшее ещё при первобытно-общинном строе, усилилось в период образования Новгородского государства, которое с самого начала складывалось как многоплеменное.

Процесс объединения и слияния племён продолжался и после создания государства; некоторые племена слились с новгородцами (русскими) лишь в XII—XIII и последующих веках⁹. Изучение этнического развития Новгородской земли может помочь и решению многих важных вопросов истории русского языка и культуры. Здесь особенно ярко может быть выявлено, как в результате скрещивания языков русский язык выходил победителем, обогащаясь за счёт побеждённых языков. Об этом пишет И. В. Сталин: «Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем»¹⁰. Пестрота этнического состава Новгородской земли предоставляет огромные возможности для работы лингвистов и археологов.

IX век был временем больших перемен в социальной жизни населения Новгородской земли. Это сказало и в форме поселения и жилища и в форме погребальных сооружений. Селения новгородских славян и кривичей в VIII—IX вв. располагались обычно вблизи рек или озёр; они были невелики, насчитывали 1—3 десятка построек. Население занималось земледелием, повсеместно становившимся пашенным (взамен подсечного). В конце этого периода, в IX в., процесс распада патриархально-родового строя отразился и на погребальном ритуале. На смену родовым погребальным сооружениям, сопкам и «длинным курганам», приходят небольшие круглые

курганы, содержащие, как правило, лишь одно захоронение.

Интересно отметить, что новые формы селений, указывающие на изменение всего строя жизни, раньше других на севере начали складываться именно у новгородцев и кривичей. В других северных славянских областях, особенно на Оке и в междуречье Днепра и Десны, древние формы быта сохранились до конца IX века¹¹. Такой более быстрый темп развития социально-экономических отношений в Приильмекье, так же как и в Поднепровье, привёл к тому, что именно здесь возникли древнейшие восточнославянские государства — Новгородское и Киевское¹². Появление этих государств было отмечено летописцем, сообщавшим, что некогда было «княжение в Полях, а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, и те Полочане».

Нужно сказать, что вопрос о возникновении русского государства всё ещё остаётся одним из наименее разработанных в нашей науке. Здесь многое пока неясно, много высказывается ошибочных точек зрения. Так, некоторые историки для обозначения государств, существовавших якобы в период родо-племенного строя, вводят определение «примитивные государства». Другие утверждают, что феодальное государство возникло до феодализма¹³.

Кроме методологической путаницы, в решении данного вопроса трудности вызывают объективные причины, прежде всего скудость источников.

Чтобы понять, как возникло государство у восточных славян, мы должны изучить ту эпоху, которая служит критическим рубежом между доклассовым и феодальным обществами. Это весьма длительный переходный, дофеодальный период. Процесс классовобразования представлял собой весьма сложное явление, протекавшее в течение многих веков.

Качественный перелом, переход от доклассового к классовому обществу, знаменуется созданием государства. Поэтому совершенно неправомерно введение термина «примитивное государство».

Киевское и Новгородское государства IX в. были уже, несомненно, государствами в собственном значении этого слова. В VIII—IX вв. происходит качественный скачок от доклассового общества к классовому, и не следует смазывать этот факт, пытаться эволюционно продолжить линию развития государства в глубь веков. Очень большую роль в освещении этих сложных вопросов могут сыграть археологические материалы. На них была, например, основана работа А. В. Арциховского, удачно

⁸ См. С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск. 1941.

⁹ См. С. Гадзяцкий. Вотская и ижорская земли Новгородского государства. «Исторические записки» № 6. 1940.

¹⁰ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25. Изд. «Правда». 1950.

¹¹ См. П. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 154. М.-Л. 1948.

¹² Здесь имеется в виду не Киевская Русь, а её среднеднепровский предшественник.

¹³ С. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949.

решавшая вопрос о генезисе феодализма в Смоленской и Суздальской землях¹⁴. Та же тема для лесной полосы Восточной Европы разрабатывалась В. И. Равдоникасом¹⁵.

В исторической литературе много внимания уделялось вопросу о трёх центрах древней Руси, о которых писали арабские авторы IX—XI веков. Б. Д. Греков правильно поставил вопрос не о трёх городах, а о трёх государственных объединениях восточных славян, предшествовавших возникновению Киевской Руси. Где бы ни находился третий центр, два центра не вызывают сомнений: это Киев и Новгород. Эти города находились в областях, в силу ряда исторических условий развивавшихся быстрее, чем другие восточнославянские земли. Рост производительных сил, переход к пашенному земледелию, развитие ремесла, процесс классовобразования привели к возникновению в Приильменье одного из старейших славянских государств.

Дальнейшее экономическое, политическое и государственное развитие Восточной Европы поставило вопрос об объединении Киева и Новгорода. Возросшее значение великого водного пути, соединявшего север и юг Европы, на важнейших узлах которого находились Киев и Новгород, усилило связи между этими молодыми государственными образованиями. Судя по летописи, новгородский князь Олег взял на себя инициативу объединения севера и юга. К этому привёл весь ход развития социальных и экономических сил восточного славянства. Объединение было осуществлено во второй половине IX в., и отнесение его к летописному 882 г., вероятно, близко к истине. С этого времени начинается история того большого государства, которое историки называют Киевской Русью. Сложение Киевской Руси—это одна из важнейших политических граней в русской истории. Однако если бы мы попытались вести периодизацию по этапам социально-экономического развития, то пришлось бы признать, что начальный период истории Киевского государства качественно ничем не отличается от истории предшествующего периода, что процесс образования феодального строя в 882 г. не начался и не закончился. Эта дата не отражает какого-либо перелома в генезисе феодальных отношений, который начался значительно раньше и закончился лишь спустя два века. Крупнейшие политические события, конечно, отражают определённое состояние производительных сил и производственных отношений, но они далеко не

¹⁴ См. А. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистического общества» № 11—12 за 1934 год.

¹⁵ См. В. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. «Известия» ГАНМК. Вып. 103. М.-Л. 1934.

всегда совпадают с началом и концом определённых социально-экономических эпох.

В буржуазной историографии с проблемой возникновения древнего Новгородского государства связывалась «норманская проблема». Норманистские установки древнерусского летописца стали предметом почти двухсотлетнего спора учёных. В настоящее время для советской науки этот вопрос представляется совершенно ясным: роль норманнов в русской истории была ничтожна, их ни в какой мере нельзя признать организаторами или создателями русского государства. Мы знаем, что государства возникают в результате развития общества, а не создаются князьями и героями. Однако если для советских учёных этот вопрос ясен, то буржуазная наука упорно продолжает цепляться за норманскую теорию происхождения русского государства, используя её в своих реакционных политических целях. В вышедших в последние годы книгах Вернадского, Васильева, в статьях Белиева, Арне, Кипарского и других вновь делаются попытки «доказать», что русский народ получил свою государственность из рук иностранных завоевателей. Поэтому советские учёные должны продолжать начатую ещё в XVIII в. М. В. Ломоносовым борьбу против норманизма, и самое активное участие в этой борьбе должны принять историки Новгорода.

Очень важное значение в этом отношении имеют выводы советских археологов. Их изыскания показали ничтожность варяжского элемента в древнерусских курганах. В частности было доказано, что сопки, часть которых приписывалась норманнам, принадлежат целиком приильменским словенам. Ничтожен был варяжский элемент и в древнерусских городах, даже таких, как Старая Ладога.

Что касается свидетельств летописей, то критический анализ летописного текста показал, как появился рассказ о призвании варягов в своды Никона (1093 г.). Какова была историческая основа летописного рассказа? Вполне возможно, как полагают некоторые историки, приглашение Новгородом скандинавских дружин в качестве наёмной военной силы. Но скорее всего эпизод с приглашением варягов представляет собой не более, как заимствованный литературный приём, в основе которого лежит факт борьбы местных племён с грабителями-варягами.

Хронология русских князей после Рюрика, данная в летописи, едва ли соответствует истине. Простое установление возраста первых русских князей делает сомнительной их взаимную родственную связь¹⁶. Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом. Летописец связывает династию киевских князей с Рюриком, чтобы показать, что только наследники Рюрика были законны-

¹⁶ См. М. Тихомиров. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Вып. VI—VII. 1947.

ми князьями, а Аскольд и Дир являлись узурпаторами. Возможно также, что династия киевских князей возводилась к Рюрику, как к популярному деятелю, известному в Европе, чтобы тем самым придать русским князьям большую значимость. Подобные генеалогические подтасовки были весьма распространены в средневековье. Отметим, что митрополит Илларион, который ближе всех стоял к составлению начальной летописи и лучше других должен был знать генеалогию русских князей, перечисляя предков Владимира, называет только Святослава и Игоря и даже не упоминает Рюрика.

Таким образом, даже признавая Рюрика не легендарной, а исторической, реальной личностью, можно показать, что он не только не был создателем русского государства, но что даже династия «рюриковичей» никогда не существовало.

Изложенная тема — лишь одна из многих тем, которые могут быть разработаны на основе новгородской истории, изучение её будет способствовать борьбе с рецидивами норманизма. Важным вопросом является также выяснение тех конкретных исторических обстоятельств, при которых южный термин «рус — рос» попал в Новгородские земли.

История Новгорода как города представляет не меньшие трудности для исследования, чем история Новгородской земли. Время возникновения славянских городов не как поселений вообще, а как городов в социально-экономическом смысле относится к VIII—IX векам. Города появляются «вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству»¹⁷. Возникновение города было связано с развитием ремесленного производства и сопутствовавшего ему обмена. Археологические исследования позволяют установить, что на месте многих восточнославянских городов первоначально возникли группы селений, окружавших места древних торжищ. Многие города были не только центрами экономической, но и политической и религиозной племенной жизни. У отдельных племенных союзов существовало несколько таких племенных центров.

Кроме городов, расположенных в пределах племенных земель, города возникали также на окраинах славянского мира: это были места межплеменных торжищ и опорные пункты славянского колонизационного движения¹⁸. В Новгородской земле одним из таких городов была Ладога, возникшая в VIII в. на месте более древнего поселения. Ладога служила связующим пунктом при торговых сношениях северных славян с чудью и другими ближайшими племенами, а позднее, начиная с IX в., и с Балтийским морем. Археологические раскопки в Старой Ладоге показали, что торгово-ремесленному городу IX—X вв. там предшествовало кривичское поселение VII—VIII ве-

ков. В этом поселении раскопками открыты большие дома, служившие жилищами для больших семей, ведших коллективное хозяйство. Эти несомненные признаки родового строя исчезают в IX—X вв., когда появляются жилые дома небольшого размера¹⁹.

Вероятно, такой же путь — от племенного посёлка к городу — прошли Изборск и Псков. Важным опорным пунктом славянской колонизации, шедшей из Новгородской земли, было расположенное на далёком северо-востоке, в стране древней веси, Белозеро. Остатки его обнаружены археологами вблизи южного побережья Белого озера на Шексне.

Гораздо сложнее вопрос о возникновении самого Новгорода. Большие раскопки в Новгороде, ведшиеся в последние годы (главным образом под руководством А. В. Арциховского), дали многочисленный и разнообразный материал, характеризующий высоту культуры этого города и способствующий выяснению ряда исторических вопросов. Но этот материал относится к X и позднейшим векам. Более ранние слои в Новгороде до сих пор не найдены. А. В. Арциховский предполагает, что этих слоёв в Новгороде нет, так как город этот возник позже какого-то другого города, существовавшего где-то рядом, почему он и был назван Новым городом.

Раскопанная в Новгороде площадь составляет, однако, лишь незначительную часть его территории. Поэтому нельзя утверждать, что слоёв древнее X в. здесь не имеется. Существует предположение, что древний город находился на так называемом Рюриковом городище, где найдены слои VIII века²⁰.

Дальнейшие раскопки в Новгороде должны идти по пути поисков более древних слоёв, которые могут помочь решить важную проблему происхождения города.

Вероятно, развитие Новгорода протекало аналогично развитию других городов: первоначальное его ядро, детинец (кремль), постепенно обрастало городским поселением, предместьем, населённым ремесленниками и купцами. Время появления городского посада в Новгороде неизвестно. С большей или меньшей долей вероятности его можно отнести к концу X — началу XI века²¹. В XI в. город уже разросся по обе стороны Волхова. Очень интересны результаты раскопок 1947—1948 гг. на земляном валу²². Они

¹⁹ См. В. Равдоникас. Старая Ладога. «Советская археология». Вып. XI, XII. М.-Л. 1949, 1950.

²⁰ См. М. Каргер. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.-Л. 1941.

²¹ См. М. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 25—27. М. 1946.

²² Новгородская археологическая экспедиция ИИМК Академии Наук СССР под руководством проф. А. В. Арциховского. См. А. Л. Монгайт. Каменная стена «окольного города» Новгорода Великого. «Краткие сообщения ИИМК». Вып. XXVII. 1949.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 40.

¹⁸ См. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 154.

показали, что разросшийся город в начале XII в. достиг пределов современного города и был обнесён острогом.

Огромные для средневекового города размеры Новгорода отражали его исключительную роль в истории русских земель. Раскопки на Славне и Ярославом двореце установили высокий уровень развития городского хозяйства. Мостовые и дренажные сооружения появились в Новгороде раньше, чем во многих других европейских городах.

Исторические исследования очень мало коснулись новгородской деревни. Письменные источники (до XV в.) дают о ней ничтожно мало сведений, и единственную возможность восстановить картину прошлого представляют раскопки. Изучение сельских феодальных поселений было начато, однако вскоре же заброшено, несмотря на настойчивую необходимость продолжать его²³.

Чётко определил особенности политического устройства Великого Новгорода А. С. Пушкин: «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (communes), удаленные от великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей»²⁴.

Ещё в начале XI в. созревание феодальных отношений в Новгороде способствовало его отпадению от Киевского государства и превращению в самостоятельный политический организм. Новгород перерос те политические рамки, которые ставил ему Киев; успехи новгородского хозяйства, усиление боярства и купечества вели к постепенному обособлению Новгорода. Это выразилось в прекращении уплаты дани Киеву, в усилении деятельности веча, в получении новгородцами от Ярослава особых грамот, предоставлявших Новгороду самостоятельность. В результате событий 1136 г. в Новгороде одержана победа республиканское устройство. После того как в 1156 г. к веху перешло право выбора новгородского епископа, вечевая организация окончательно сформировалась. Умело используя «слабость враждующих князей», новгородское боярство учредило свободный выбор князя, принимаемого на договорных началах, со строго ограниченными функциями.

Возникновение в XII в. местных центров как результат развития феодальных отношений в древней Руси достаточно выяснено советской исторической наукой и в равной мере относится как к феодальным княжествам, так и к новгородской аристократической республике. Однако история и причины образования своеобразного политического устройства в Новгороде — устройства республиканского — полностью ещё не изучены.

²³ См. С. Тараканова. «Археологические разведки в Новгородских пятинах». «Краткие сообщения ИИМК». Вып. XI. 1945, см. также «Труды Государственного Исторического Музея». Вып. XI, 1940. «Краткие сообщения ИИМК», Вып. V.

²⁴ А. С. Пушкин. Соч. Т. VII, стр. 629. М.-Л. 1949.

В рамках журнальной статьи невозможно решить этот журнальный вопрос, однако нам кажется, что можно наметить четыре основные причины. Первой причиной является своеобразие политического и хозяйственного положения новгородского боярства. В древней Руси были бояре земские — «продукт общественной эволюции каждого данного места — туземная знать»²⁵ — и бояре княжеские — «высшие члены княжеского двора»²⁶; и те и другие существовали и в Новгороде и в Киеве. Однако соотношение между ними в этих городах было совершенно различным: в Киеве преобладали княжеские бояре, в Новгороде — бояре земские.

По мере развития феодальных отношений обе категории бояр всё более связывались с крупным землевладением. Однако земские бояре, выросшие из местной племенной знати, прежде всего были связаны с местным землевладением, с сохранившимися ещё от дофеодального периода традициями управления и организации. Преобладавшие в Киеве княжеские бояре также постепенно оседали на землю, но они кроме того были заинтересованы в сборе поступающей в Киев дани, определённую часть которой они получали. Далее княжеские бояре стремились к получению различных привилегий и прав, связанных с обслуживанием княжеского двора. Другими словами, они были заинтересованы в сильной княжеской власти. Земскому же боярству сильная княжеская власть была нужна только для охраны привилегий; уплата же дани Киеву и необходимость обслуживания княжеского двора были для него лишь вынужденной необходимостью.

К началу XI в. уплата дани и другие повинности по отношению к Киеву стали препятствием для развития отдельных феодальных центров. Новгородские земские бояре, опиравшиеся на местное землевладение, убедились к этому времени, что они могут своими силами удержать народ в узде, и, используя волнения ремесленно-торговых новгородских слоёв населения, настояли на ограничении княжеской власти, а затем добились упразднения её в Новгороде, используя сохранившуюся ещё от древних времён вечевую организацию как орудие своего господства.

В Киеве же княжеское боярство продолжало цепляться за сохранение сильного князя, так как было заинтересовано в получении дополнительных привилегий.

Второй причиной создания и укрепления республиканского строя в Новгороде явилось высокое развитие в нём ремесла. Советскими историками давно опровергнуты антиисторические взгляды М. Н. Покровского о слабом развитии ремесла в Новгороде. Теперь уже доказано, что Новгород был крупнейшим ремесленным центром Восточной Европы с преобладающим ремесленным населением²⁷.

²⁵ Б. Греков. Киевская Русь, стр. 122. М. 1949.

²⁶ Б. Греков. Крестьяне на Руси. стр. 90, 91, 98. М. 1946.

²⁷ См. А. Арциховский. К истории Новгорода, стр. 118 и далее.

М. Н. Покровский, отрицая высокое развитие ремёсел в Новгороде, писал: «Ремесленники могли оставаться хозяевами в промышленном центре, каковым, например, была Флоренция XIII—XIV вв., но каким Новгород никогда не был»²⁸.

Это утверждение не выдерживает критики. Хозяевами во Флоренции в XIII—XIV вв. были отнюдь не ремесленники, а крупные предприниматели — промышленники, банкиры и купцы. Утверждение Покровского находится в прямом противоречии с мнением К. Маркса, который в «Секретной дипломатии XVIII века» сравнивал Новгород именно с Флоренцией и указывал на то, что в обоих этих городах бушевала борьба «между патрициями и плебеями». Неверно и утверждение Покровского о том, что в Новгороде не было высокоорганизованного ремесла. Высокое развитие новгородского ремесла убедительно доказано как в труде Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», так и в публикациях итогов археологических раскопок А. В. Арциховского²⁹.

Боярство, использовавшее ремесленно-торговое население Новгорода в борьбе против князей, вынуждено было сохранять вечевую организацию. Оно использовало её в своих классовых целях путём захвата всех важнейших должностных мест — посадника, тысяцкого и т. д. За всё время существования новгородской республики ни один из представителей ремесленников не занимал этих постов, часто даже по наследству переходивших из одного поколения боярских правящих родов в другое.

Было бы, однако, совершенно неправильно думать, что новгородская вечевая демократия была пустой формальностью, фикцией, способом маскировки боярского полновластия. Новгородские «чёрные люди» представляли значительную политическую силу, и боярские группировки, правившие городом, могли удерживать власть лишь при условии своеобразного соглашения с новгородским плебсом. Вечевые учреждения не только служили орудием власти бояр, но и были выразителями воли «чёрных людей». Острота классовой борьбы, сила, а не бессилие ремесленно-торгового населения города определяли своеобразие политического строя Новгорода.

Вспышки народного гнева умеряли самовластие бояр. Чтобы понять, что классовая борьба здесь была острой, чем где бы то ни было, именно вследствие развития ремесла и торговли, сконцентрировавших в городе массу «чёрного люда», достаточно вспомнить, что от середины XII в. до середины XV в. в Новгороде было 80 мятежей и восстаний. Эта классовая борьба пронизывает всю историю Новгорода и определяет не только демократичность его политического устройства, но и демократичность новгород-

ского искусства, новгородской культуры и т. п.

Третьей причиной своеобразия политического устройства Новгорода является значительная роль Новгорода в крупной внешней, внутренней и посреднической торговле. Это обстоятельство усиливало значение и вес в Новгороде ремесленно-купеческого населения с его демократическими традициями.

Четвёртую причину мы видим в том, что новгородская колонизация XI—XIII вв. направлялась в основном в более отсталые по сравнению с Новгородом в социально-экономическом отношении районы — на север и северо-восток, где ещё сохранялись значительные элементы родового строя. Распространение в этих районах феодальных порядков осуществлялось в такой политической форме, которая более всего соответствовала их примитивному, полулатриархальному строю.

Все эти причины обуславливали друг друга и в совокупности привели к образованию и укреплению республиканского строя в Новгороде.

Вопросу об общественно-политическом строе Новгорода, о классовой борьбе в нём посвящён ряд работ русской дореволюционной и советской историографии. Труды советских историков — Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, С. В. Юшкова, А. В. Арциховского, П. И. Ляшенко и других — выяснены роль князя в Новгороде, возникновение и история новгородского веча, концов, уличанских и других городских организаций, этапы классовой борьбы и изменение её содержания в связи с изменением форм эксплуатации, сущность сотенного и пятинного членения новгородских земель. Разностороннее освещение получили история боярского землевладения, история ремесла и другие вопросы. Хорошо разработан вопрос о значении и эволюции купеческих гильдий, поставлена проблема новгородских ремесленных корпораций и намечены пути к её разрешению.

Если С. В. Юшков ставил вопрос о возможности существования ремесленных цехов в древнем Новгороде, исходя из общен исторических предпосылок, то М. Н. Тихомиров показал, что дружины, или артели, различных ремесленников представляли собой объединения во главе со старостами и имели крупное общественно-политическое значение, будучи организациями цехового типа.

Б. А. Рыбаков на основе анализа и сопоставления письменных и вещественных источников показал тесную связь расцвета новгородского ремесла с середины XII в. с окончательным оформлением республиканского строя, с усилением роли посадских и «чёрных людей». Сопоставляя развитие ремесла в крупных русских городах в XII — начале XIII в., и прежде всего в Новгороде Великом, с развитием ремесла в наиболее передовых западноевропейских городах того времени, Б. А. Рыбаков устанавливает здесь и там ряд общих черт: «...1) преобладание ремесленников в составе городского населения, 2) обилие различных специаль-

²⁸ М. Покровский. Русская история, стр. 110. М. 1933.

²⁹ См. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов». Т. I. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11. Изд. Академии наук СССР. 1949.

ностей, 3) постепенное установление связи с рынком и частично со скупщиками, 4) наличие мастеров и подмастерьев, 5) наличие института шедеров, 6) участие ремесленников в городском опоячении, 7) задолженность городских низов, городские восстания против ростовщиков, 8) существование ересей как особой формы классовой борьбы, 9) частичное участие ремесленников в управлении городом, также как результат классовой борьбы»³⁰.

Исследования советских историков позволяют со значительной долей уверенности говорить о существовании в Новгороде ремесленных корпораций, о том, что в политической жизни Новгорода имели большое значение уличанские, кончанские и сотенные организации города, связанные с военной, строительной и административной деятельностью. Вначале они представляли именно ремесленные и купеческие объединения, несмотря на то что во главе этих объединений обычно стояли представители городской патрициата из боярской знати. В XIV—XV вв. «ряды», «сотни», «обочины», «братины» были формами корпоративных организаций, причём, как и в западноевропейских городах, существовали патрональные церкви в честь покровителей разных ремёсел, собирались цеховые пирушки, корпорации имели своих старост, собственную юрисдикцию, свою казну и т. д.

При всей важности вывода о существовании ремесленных цехов в Новгороде он остаётся пока ещё гипотетичным, так как опирается в основном на косвенные данные. Остаются не выясненными до конца отношения мастеров со скупщиками, соотношение на различных этапах истории Новгорода между вотчинным и свободным городским ремеслом и ряд других важных вопросов.

Отрывочные сведения письменных источников могут получить правильное истолкование только при сопоставлении с памятниками материальной культуры, дальнейшее открытие и анализ которых являются необходимым условием для разрешения этих проблем.

Взаимоотношения Новгорода с князьями неоднократно обсуждались в исторической литературе со времён С. М. Соловьёва³¹, и вопрос этот можно считать в основном выясненным. Некоторые недоразумения вызывает лишь то обстоятельство, что исследователи не всегда различают, о каких князьях идёт речь — местных или великих. Между тем отношение к тем и другим различных групп новгородского общества было разным. Хотя в Новгороде не было местной княжеской династии, это не мешало существованию в XI—XIII вв. особых новгородских князей. Права этих князей после 1136 г. были крайне ограничены, и они, за редким исключением, превратились в безвольное орудие в руках правящей боярской верхушки. Однако положение и богатство Новгорода привлекали сюда русских князей, кото-

рые спорили из-за права сидеть в Новгороде, несмотря на жёсткие условия княжения, и неоднократно возвращались в Новгород после изгнания. Например, между 1215 и 1236 г., т. е. в течение 21 года, в Новгороде князья сменялись 13 раз³². Однако всего княжило 7 человек, так как одни и те же князья возвращались в Новгород по два и даже по четыре раза. Трудящиеся массы Новгорода видели в этих князьях лишь проводников боярской политики, а бояре использовали волнения народа, чтобы дисциплинировать князей и сделать их послушными. В XIV—XV вв. новгородских князей уже не было. Были «служебные князья», состоявшие в новгородской рати, но игравшие совершенно второстепенную роль, а зачастую чуждые интересам Новгорода. Таков, например, литовский князь Наримонт, получивший от Новгорода в кормление ряд городов Карельской и Вотской земли, а во время вторжения шведов (во главе с Магнусом в 1348 г.) не только не прибывший на место, чтобы возглавить оппор шведам, но и поспешивший увести из Орешка своего сына.

Иное дело — великие князья, особенно в те моменты истории Новгорода, когда они от теоретического признания своего верховного суверенитета требовали перехода к практическому его осуществлению. Великокняжеская власть в условиях феодализма «была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующей нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним»³³. Усиление великокняжеской власти могло, естественно, идти только за счёт ослабления новгородского боярства Сепаратизм новгородских бояр, в особенности со второй половины XIV в., находился в прямом противоречии с нуждами обороны страны от иноземной агрессии, с экономическими интересами торгово-ремесленного населения Новгорода. Этим определялось и разное отношение социальных низов и боярской верхушки к великокняжеской власти. По определению Б. Д. Грекова, полнота власти новгородских бояр ограничивалась только снизу — всплывками народного гнева, а стремление ограничить её сверху — властью князя, — естественно, находило поддержку у народа. Поэтому историю взаимоотношений Новгорода с князьями нельзя рассматривать как отношение Новгорода в целом, а важно изучить отношение к великим князьям различных социальных групп населения.

Хотя никто никогда не сомневался в развитии новгородского боярского землевладения, но только советские историки показали значение этого землевладения для боярского

³⁰ Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 517—518. М. 1948.

³¹ См. С. Соловьёв. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М. 1846.

³² См. Б. Греков. Новгород и Русь. «Вестник» АН СССР» № 4.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

могущества, показали, что во главе государства стояли наиболее крупные землевладельцы³⁴. Они-то главным образом и сопротивлялись вхождению Новгорода в состав русского централизованного государства, заняв резко враждебную позицию по отношению к московскому великому князю, пытаясь отдать Новгород под власть польского короля. Так, крупнейшими землевладельцами в Обонежской пятине были Марфа Борецкая, посадник Лука Фёдоров, посадник Иван Офанасьев, схваченный Иваном III за измену и попытку отдать Новгород во владение Казимиру, тысяцкий Михаил Берендеев, сын посадника Иван Захарович и другие лица, возглавлявшие антимосковскую группировку. Понятно, что Иван III начал уничтожение боярской власти в Новгороде с конфискации земель — основного источника богатства и силы новгородского боярства.

Основной целью новгородского боярства была борьба за землю: захват земель, закабаление свободных крестьян-общинников — и одновременно борьба с князьями против расширения княжеского землевладения или попыток князей ограничить полностью боярское землевладение.

Б. Д. Грековым прослежены различные этапы в развитии новгородского боярского землевладения. IX—XII века — период замкнутого господского хозяйства и преобладания отработочной ренты, XII век — переход от вотчины к сеньерии, от барщины, осуществляемой челядью, к оброку, который уплачивал крестьянин-смерд, к ренте продуктами. Дальнейшее развитие форм феодальной эксплуатации привело, как известно, к появлению денежной ренты. Соответственно изменению форм ренты изменялось и соотношение между тремя слоями крестьянства: крестьянами-общинниками, крестьянами-общинниками, подпавшими под власть феодала, и людьми на чужой земле под властью феодала³⁵.

Можно проследить, как процесс развития феодальных отношений отражался на различных сторонах жизни Новгорода. Характерно, например, что именно XII век, период усиленного закабаления свободных смердов-общинников, давший в руки боярства огромные земельные владения, сопровождался ростом политической силы боярства и окончательным установлением боярской аристократической республики. Закабаление крестьян-общинников сопровождалось острой классовой борьбой, зачастую выливавшейся в восстания. Начиная с восстания XI в. (так называемое восстание волхвов) можно проследить целый ряд крестьянских движений и их отражение в классовой борьбе в самом Новгороде. Так, например, в 1136 г. при изгнании из Новгорода Всеволода ему было предъявлено в числе других обвинений, что он «не блюдет смерд». Одной из причин восстания 1209 г. было тяжёлое положение сельского населения. Самое восстание представляло

совместные выступления города и деревни. Князь Михаил из Чернигова, появившийся в Новгороде после событий 1209 г., счёл необходимым облегчить положение сельского населения. Классовая борьба, конечно, влияла на характер и норму феодальных повинностей в период складывания и развития феодальных отношений, и историю их развития нельзя рассматривать, не принимая во внимание этот важнейший фактор.

К концу XV в. на территории Новгородской боярской республики не осталось ни одного клочка земли, не захваченного феодалами³⁶. А. Гневушев подсчитал, что из всей новгородской земли 12,5% принадлежало республике, 22% — церкви, а остальная — боярам и купцам³⁷. Б. Д. Греков установил, что 68 крупнейшим собственникам принадлежала половина всех частновладельческих земель³⁸. При этом следует иметь в виду, что всё это были наследственные владения. Крупное землевладение господствовало во всех Новгородских землях: в Вотской земле у владельцев, имевших свыше 50 обж, во владении находилось 46,7% земли. В Ижорской земле 66,7% земли находилось во владении крупных новгородских бояр³⁹. На 22 новгородские боярские фамилии приходилось свыше трети частновладельческих земель⁴⁰. Таким образом, стоявшая у власти в Новгороде относительно небольшая группа крупнейших бояр сосредоточила в своих руках свыше половины всех новгородских земель. К ним следует добавить ещё и земли, принадлежавшие государству, которые также фактически находились в распоряжении боярской олигархии. Приведённые данные наглядно показывают источник богатства и власти новгородского боярства и в значительной мере объясняют и позицию боярства по отношению к великокняжеской власти.

В Новгородских землях в зависимости от их значения применялись разные формы феодальной эксплуатации. В связи с этим можно предложить условное деление Новгородской земли на 4 пояса. Первый пояс составляли окружающие Новгород плодородные земли, имевшие огромное экономическое значение. Они снабжали город сельскохозяйственными продуктами, через них проходили важнейшие торговые и стратегические пути. Для этих земель характерен

³⁶ См. И. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. «Исторические записки» № 26. 1948.

³⁷ См. А. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, стр. 957 и след. Киев. 1915. Б. Д. Греков первую цифру считает преувеличенной, вторую — преуменьшенной.

³⁸ См. Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 485.

³⁹ См. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства, стр. 146.

⁴⁰ См. С. Тараканова. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домонгольское время. М. 1939.

³⁴ См. А. Арциховский. К истории Новгорода, стр. 193.

³⁵ См. Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 121.

ранний переход от отработочной ренты к ренте продуктами, а затем и к денежной ренте (преобладавшей уже во второй половине XV в.). Этот переход совершился под влиянием относительно широкого развития товарных отношений между городом и деревней и транзитной торговли. Для этих земель характерны наличие огромных владений крупных бояр с большой барской запашкой, наиболее ранний и в наибольших масштабах проводившийся прямой захват общинных земель феодалами, наибольшее количество боярских послужильцев и вольных слуг, наиболее раннее (уже во второй половине XV в.) появление барщины. Для этого пояса характерно и наиболее значительное монастырско-церковное землевладение.

Второй пояс составляли земли, относительно удалённые от Новгорода, а также неплодородные или малоплодородные, имевшие гораздо меньшее значение, например Заонежье. Хотя эти земли, как и земли первого пояса, к концу новгородской самостоятельности находились под властью крупных феодалов, но барская запашка и количество боярских послужильцев здесь были неизмеримо меньше, сохранялась крестьянская община. Преобладала оброчная система, наиболее выгодная для бояр вследствие неплодородности или отдалённости этих земель. Сохранялись тяжёлые, архаические формы эксплуатации: долевого дохода с урожая и т. п.

Третий пояс составляли пограничные северные и северо-западные земли, первоначально населённые неславянскими племенами, но рано вошедшие в состав Новгородского государства и постепенно славянизовавшиеся. Земли этого пояса тоже находились большей частью в руках крупных землевладельцев, причём местные туземные бояре слились с боярами новгородскими. С землями второго пояса эти земли сближались наличие незначительного количества монастырско-церковных владений, незначительная барская запашка, преобладание оброчной системы, сохранение крестьянских общин (погостов). Отличительной особенностью этого пояса было довольно большое количество в нём государственных владений, которые часто отдавались в кормление князьям как с целью организации обороны в этих пограничных областях, так и для того, чтобы удалить князей подальше от самого Новгорода. В эти земли ссылались смещённые посадники и другие должностные лица. Здесь было развито льноводство, а кроме земледелия, рыболовство, железоделательный и другие промыслы.

Наконец, четвёртый пояс составляли отдалённые новгородские колонии, сохранившие ещё даннические отношения. Здесь дольше всего сохранялись архаические формы эксплуатации. Таким образом, в пределах Новгородского государства мы можем наблюдать не только разнообразие форм феодальных отношений в разные эпохи, но и в одну и ту же эпоху. Полная картина развития Новгородской феодальной республики может быть создана лишь при том условии, если изучение истории самого

города будет неразрывно связываться с историей всех Новгородских земель.

В истории феодального Новгорода, как мы указывали выше, следует различать два этапа. Первый — с XI в. до второй половины XIV в. и второй — со второй половины XIV в. до включения Новгорода в состав русского централизованного государства. Такое разделение подтверждается фактами политико-экономической истории Новгорода.

На первом этапе борьба с князьями и утверждение республиканского строя, оборона от немецких и шведских захватчиков, политика ограничения татарского ига, колонизаторская деятельность, ожесточённая борьба с тверскими князьями, которую новгородская республика до второй половины XIV в. вела в союзе с Москвой, и т. д. требовали от новгородского патрициата опоры на основную массу новгородского населения, вынуждали допускать к участию в политической жизни города «чёрных людей» и в ряде случаев идти им на уступки при сохранении верховной власти в руках боярской олигархии.

Именно в этот период и оформляется республиканское устройство Новгорода, зарождаются и укрепляются купеческо-ремесленные корпорации, уличанские, кончанские, сотенные и другие организации городского и земельного самоуправления. На этот же этап падает наибольшая активность веча.

Разумеется, было бы грубой ошибкой считать, что в это время между правящей боярской верхушкой и ремесленным населением Новгорода существовало некое единство целей, хотя бы даже внешнеполитических, обусловившее какой-либо социальный мир. Напротив, эпоха XI—XIII вв. наполнена ожесточёнными классовыми битвами. Только в XIII в. в Новгороде было 27 восстаний «чёрных людей».

Основным содержанием внутривнутриполитической жизни Новгородской республики была классовая борьба, которая бушевала «между патрициями и плебеями»⁴¹.

Этот первый этап в истории феодального Новгорода характеризуется, с одной стороны, вытеснением вотчинных ремёсел свободными городскими ремёслами, а с другой стороны, постепенным закабалением крупными предпринимателями-скупщиками свободных ремесленников, установлением между ними сложных долговых отношений, захватом власти представителями боярства и крупного предпринимательства в кончанских, уличанских и других организациях городского самоуправления.

В то же время необходимость решения стоявших перед боярской правящей олигархией задач (защита от внешнего врага, установление новых экономических связей и т. д.) заставляла её искать опоры в основной массе ремесленного населения Новгорода, поддерживавшего её, поскольку эти задачи были прогрессивны. Всё это

⁴¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века.

а также сила и острота классового сопротивления городских низов обусловили известный допуск «чёрных людей» к политической жизни, выразившийся в большой активности веча.

Но положение постепенно менялось, и во второй половине XIV в. определилось новое соотношение классовых сил, произошли серьёзные изменения в формах деятельности республиканских учреждений. Во второй половине XIV в., как уже указывалось, возродилось и достигло расцвета общерусское ремесло, быстро превзошедшее по своему размаху ремесло собственно новгородское. Усилившиеся экономические связи между русскими землями, начавшийся процесс образования русского централизованного государства, который тесно переплетался с борьбой против главного в тот период противника — Золотой Орды, — поставили Москву во главе союза русских земель. Именно Москве, как указывал И. В. Сталин, принадлежит историческая заслуга освобождения русских земель от татарского ига. Наступление Дмитрия Донского на Тверь, в частности поход 1375 г., привело к ослаблению тверских князей, против которых во второй половине XIV в. Москва вела борьбу в союзе с Новгородом.

Решение основных внешнеполитических задач, стоявших перед русским народом, теперь перешло к Москве, возглавившей объединение русских земель. В связи с этим резко изменились и внешнеполитические устремления и симпатии новгородской правящей верхушки. Боязнь в случае присоединения к Москве потерять свои привилегии и преимущества толкала новгородское боярство на сепаратизм, на сохранение любой ценой этих привилегий и преимуществ, на враждебную позицию по отношению к Москве. Отсюда отказ новгородского боярства от участия в общерусских мероприятиях, проводимых под руководством Москвы (например, в Куликовской битве), совместные действия их с тверскими князьями против Москвы, поддержка противников московского великого князя (например, Дмитрия Шемяки), организация сепаратных ушукуйных походов, заключение изменнических, вассальных договоров с польско-литовским королём и т. д.

Такая политика боярской правящей олигархии не могла встретить поддержки со стороны основной массы торгово-ремесленного населения Новгорода. Интересы этого населения обуславливали его промосковскую политику, обещавшую уничтожение искусственных барьеров, мешавших экономическим связям. В московском великом князе «чёрные люди» видели защитника от боярской эксплуатации. Резкое расхождение во внешнеполитических устремлениях правящей олигархии и ремесленного населения привело к обострению классовой борьбы.

Обострение классовой борьбы вызывалось и другими причинами. Хотя торгово-ремесленная верхушка была заинтересована в сильном, централизованном государстве, и в этом её интересы расходились с интересами боярства, но в вопросах внут-

ренней политики интересы земских бояр и крупных купцов-предпринимателей, составлявших патрициат Новгородской республики, были близки.

В результате особенно усилившейся со второй половины XIV в. ганзейской торговли, развития колонизации, приведшей к созданию обширных боярских и монастырских вотчин в Трех Поморьях и особенно в Заволочье, грабительской торговли с Печорой, Самоядьё и Югрой в руках боярства и купечества сосредоточивались огромные материальные ценности. Это обеспечивало новгородскому патрициату дополнительные возможности к закабалению ремесленного населения путём организации широкой скупки его продукции для крупной оптовой торговли, опутывания его долговыми обязательствами. «Чёрные люди» отвечали на усиление феодального гнёта восстаниями, которые особенно усилились в начале XV в. (например, восстания 1418, 1421 гг. и др.). Для этого этапа в истории Новгорода характерно также развитие ересей как формы борьбы с феодальной системой.

Резкое обострение классовой борьбы, решительное расхождение во внешнеполитических целях, в частности в отношении к Москве, между правящей верхушкой и основной массой населения Новгорода привели к изменению различных республиканских учреждений. Власть боярской олигархии стала приобретать всё более замкнуто-кастовый характер: именно в этот период — в XIV в. и, вероятнее всего, со второй половины его — начинает постоянно функционировать «совет господ», который негласно решал все важнейшие вопросы и о существовании которого умалчивают русские летописи. Деятельность веча как законодательного органа начала замирать, ибо все вопросы заранее решались «советом господ», да и основными участниками самого веча всё больше становились привилегированные феодальные и купеческие группы. Активное участие народных масс в вече стало всё чаще принимать характер открытых восстаний или вооружённых выступлений, как это было в 1421, 1447 и других годах.

На протяжении рассматриваемого этапа происходит усиленная федерализация Новгорода, его феодальное дробление, связанное с усилением аристократического характера правления. Военные организации делятся по концам и улицам⁴², окончательно падает княжеская власть. Группировка боярства по концам привела к тому, что кончанское вече стало основным органом внутреннего управления Новгорода; в концах появились посадники и тысяцкие, рост власти кончанских бояр привёл к превращению древних сотен в пятины, соответственно количеству концов города⁴³.

⁴² См. М. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 162—163.

⁴³ См. Б. Рыбаков. Деление новгородских земель на сотни в XIII в. «Исторические записки» № 2. 1938, стр. 132—152.

К XIV в. появились и печати концов⁴⁴, свидетельствовавшие о прочности кончанских организаций. Главы и представители концов принимали участие в общерусских военных делах и в дипломатических переговорах. Концам подчинялись государственные Новгородские земли, между концами делилось строительство участков городских укреплений, войско и т. д. Вторая половина XIV, первая половина XV в. были временем расцвета торговых и ремесленных корпораций⁴⁵.

Весьма вероятно, что боярская олигархия Новгорода противопоставляла ремесленным корпорациям в рассматриваемый период кончанские и уличанские организации, используя последние для подавления социальных движений «чёрных людей», возникавших как в рамках ремесленных корпораций, так и за пределами их. Выяснение этих вопросов стоит сейчас на очереди.

Реакционная внешняя политика новгородского боярства, федеративная кончанско-уличанская организация управления, за которую в целях сохранения своих привилегий цепко держалась новгородская правящая знать, находились в резком противоречии с политикой складывавшегося централизованного государства (усилением власти великокняжеских наместников, созданием государственных слобод, массовым переселением ремесленников, централизацией власти и т. п.).

Политика новгородской боярской олигархии находилась в противоречии и с интересами «чёрных людей» Новгорода — ремесленно-торгового населения, экономические и социальные интересы которого толкали его на борьбу за вхождение Новгорода в состав русского централизованного государства. Поэтому во время походов Василия Тёмного в 1456 г. и Ивана III в 1471 и 1477—1478 гг. «чёрные люди» выступали против стремления боярства опереться на Литву и Польшу (в этом «чёрных людей» поддерживал и новгородский епископ) и за объединение с Москвой.

Ликвидация Иваном III новгородской аристократической боярской республики была таким образом, не реакционной заменой «демократического» строя монархическим, как это представлял себе Костомаров, а глубоко прогрессивным явлением — одним из этапов ликвидации феодальной раздробленности и уничтожения власти местной боярской олигархии.

Более чем тысячелетняя история Новгорода целиком связана с историей русской культуры. Роль Новгорода в этом отношении может сравниться лишь с ролью Киева, более того: Новгород превосходит в этом отношении Киев прежде всего потому, что в жестокие годы татарского ига, когда Киев пал, Новгород оставался хранителем

великих традиций русской культуры. В более позднее время, в годы воссоединения Новгорода с Москвой, Новгород передал свои культурные богатства русскому государству. Трудно перечислить все области культуры, в которые Новгород внёс свой ценнейший вклад. Достаточно указать, что новгородское летописание одно из старейших на Руси, что новгородское зодчество и монументальная живопись вписали важнейшую страницу в развитие русского искусства, что изделия новгородских ремесленников представляют непревзойдённые образцы прикладного искусства.

Несмотря на то что истории новгородской культуры посвящена большая литература, пожалуй, не меньшая, чем его политической истории, многие вопросы ещё не решены. Предстоит ещё тщательное исследование отдельных памятников искусства и литературы. Советские учёные провели успешную борьбу с буржуазным искусствоведением, пытавшимся представить всю историю русской культуры как сплошной поток непрерывно сменявшихся иноземных влияний. Советские учёные вскрыли реакционность установок буржуазной школы, показали, что при исследовании истории культуры следует искать истоки национальной культуры в творческих силах создавшего её народа, а не во внешних влияниях.

Однако в борьбе против вредных установок буржуазного искусствоведения некоторые историки доходят до крайности, начисто отрицая всякие культурные связи и становясь на точку зрения «гипертрофированной автохтонности» в развитии культуры. Эта точка зрения так же вредна и антинаучна, как теория «влияния». При разработке вопроса о культурных связях нужно показать, как влияла русская культура на развитие мировой и что она восприняла из прогрессивного культурного наследия других народов. Основным же вопросом истории культуры Великого Новгорода является проблема развития её как одной из важнейших составных частей национальной русской культуры. Вопрос о её народных корнях, изучение народного творчества и в особенности прикладного искусства дают ключ к решению этой проблемы.

Соотношение классовых сил в Новгороде выражалось не только в его своеобразном политическом строе. Оно отразилось и на развитии искусства. В новгородском искусстве особенно ясно видны его глубокие народные корни, в Новгороде культура глубже проникла в толщу народных масс и больше, чем культура других русских центров, проникалась чертами народности. Рядом с культурой боярства и социальных верхов развивалась культура городской — ремесленно-торгового населения. Сила и влияние городских низов отражались и на новгородской архитектуре, более демократичной, чем киевская или владимирская, и на живописи, в которой с особенной яркостью выступают черты народного искусства, и на летописании, отличающемся своеобразным народным языком и содержанием. В то время как верхушка общества стремилась развивать заимствованное ви-

⁴⁴ См. А. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки» № 16. 1945, стр. 7.

⁴⁵ См. Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 766 и др.

зантийское искусство, народные массы развивали своё демократическое искусство, глубоко национальное и чуждое мёртвой схоластике византийских форм. Важнейшей задачей историков искусства является показать эти «два потока» в искусстве Новгорода, показать конечное торжество русского искусства, выразившееся в создании таких шедевров живописи, как росписи Вологова и Ковалёва, и таких шедевров архитектуры, как храмы Фёдора Стратилата и Спас-Преображения и т. п.

Вопросы истории внешней политики Великого Новгорода, особенно отношения Новгорода с Западом, разработаны в советской исторической науке довольно обстоятельно.

Изданные в 1949 г. грамоты Новгорода и Пскова содержат специальный раздел — «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом». Здесь представлены грамоты от XII до XV вв., заключённые Новгородом с Кольванью, Юрьевом, Ригой, Любеком, Готским берегом, ганзейскими городами, Литвой, Швецией, Норвегией, Данией, Польшей и другими странами. Эти грамоты содержат ценнейшие сведения о внешней торговле Новгорода, о взаимном регулировании и организации её, о сбыте продуктов ремесла и сельского хозяйства Новгорода и других русских земель, о войнах, дипломатических переговорах и т. п.

Значительно менее изучен вопрос об отношениях Новгорода с Золотой Ордой и об изменении этих отношений в процессе ликвидации феодальной раздробленности Руси и борьбы с татарским игом. Между тем сильный политический строй Новгорода в XIII—XIV вв. дал ему возможность относительно безболезненно перенести татарское иго. Особенности новгородской дипломатии в этот период являются одной из интереснейших проблем, достойных изучения.

Нет, пожалуй, ни одного труда по русской истории до XV в., в котором бы не подчёркивалась выдающаяся роль Новгорода в отражении немецких, шведских и других западных агрессоров, нападавших на русскую землю. Однако иллюстрируется это положение обычно только двумя, правда ярчайшими примерами — Невской битвой и Ледовым побоищем. При всём огромном историческом значении этих битв нельзя забывать, что они далеко не исчерпывают роли Новгорода в отражении западной агрессии на русские земли. За время с 1142 по 1446 г. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией⁴⁶.

Многовековая, упорная борьба, которую вёл Новгород как защитник русских земель от западных агрессоров, достойна быть полностью освещённой и исследованной.

О том, какие яркие и важные исторические факты открываются при вни-

⁴⁶ См. Д. Лихачёв. Новгород Великий. Л. 1945.

мательном изучении внешней политики Новгорода, свидетельствуют работы И. П. Шаскольского «Договоры Новгорода с Норвегией»⁴⁷ и «Сигтунский поход 1187 г.»⁴⁸. В последней работе доказано, что походы второй половины XII в. не были просто походами для грабежа, а являлись выражением вполне конкретной борьбы двух крупнейших государств: Швеции и Новгорода. Основным объектом этой борьбы служила территория Финляндии. Эта борьба была главным фактором в политической жизни северной части Балтики.

Могущество и политическое влияние Новгорода сказались на жизни всех соседних народов. Одни племена и народы предпочли войти в состав Новгородского государства, поставив тем самым себя под его защиту, другие установили с ним прочные экономические и культурные связи и обращались к Новгороду в моменты, когда им угрожала агрессия со стороны других государств.

Одной из недостаточно разработанных тем истории Новгорода является вопрос о связях этого государства с народами Прибалтики. На состоявшемся в 1949 г. пленуме Института истории материальной культуры АН СССР, посвящённом изучению археологии Прибалтики, в докладах эстонских, латышских и литовских археологов были приведены убедительные факты, указывающие на глубокие и разностороннее влияние славянской, в частности новгородской, культуры на культуру народов Прибалтики. Это влияние, прослеживающееся ещё с середины первого тысячелетия н. э., особенно усиливается в IX—X веках. О непрерывном росте культурного и экономического влияния Новгорода, его военной помощи и т. д. в последующее время свидетельствуют письменные источники. Новгород, в течение нескольких веков защищавший русские земли от западной агрессии, сыграл исключительную роль в защите населения Прибалтики. В начале XIII в. Новгородским государством был организован ряд походов в Прибалтику, в значительной мере с целью оказания помощи народам Прибалтики в борьбе против агрессоров.

В 1223—1224 г., когда всеобщее восстание эстов смело власть угнетателей-тевтонов, новгородцы во главе с Ярославом Всеволодовичем оказали существенную помощь повстанцам, разбив наиболее сильные рыцарские гарнизоны в Унгавиин, Юрьеве (Тарту), Олэнпэ и др. Эсты и другие прибалтийские народы не раз обращались за помощью к новгородцам в борьбе против рыцарей и всегда получали эффективную поддержку. Так было во время восстаний эстов в 1217⁴⁹, 1221⁵⁰, 1223—1224 годах⁵¹. При этом даже такой тенденциозный хронист, как Генрих Латвийский, отмечает

⁴⁷ «Исторические записки». № 14. 1945.

⁴⁸ «Исторические записки». № 29. 1949.

⁴⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 183, 185, 192—193. М. 1938.

⁵⁰ Там же, стр. 218—219.

⁵¹ Там же, стр. 226, 231—232, 236, 279—289 и др.

исключительную храбрость новгородских воинов, сообщая, например, о том, что в 1224 г. героизм русского гарнизона Юрьева сделал его стратегическим и организационным центром эстов, вставших против тевтонов.

Важное значение имеет разработка темы о веками складывавшейся культурной общности Прибалтики и Северо-Западной Руси. Если культурная общность не успела превратиться в культурное единство, то прежде всего потому, что этому помешала немецкая и шведская экспансия, оторвавшая Прибалтику от Руси.

Много внимания уделялось вопросу о западноевропейском влиянии на Новгород, причём оно сильно преувеличивалось, обратному же влиянию внимания почти не уделяли. Между тем есть ряд очень многозначительных фактов, указывающих на влияние новгородской культуры на культуру других народов. Например, на Готланде, в Гарда, сохранилась часть роскошной стеной живописи XII в., созданной новгородскими мастерами. Можно отметить также прогрессивное воздействие новгородского строительства на зодчество Прибалтики. «На запад плыли не только русские торговые люди, туда везли не только сырьё, туда попадали не только случайные русские изделия, подобные новгородскому Людогощенскому кресту в ризнице собора Гильдесгейма, но из Руси на Балтику экспортировалась уточнённая живописная русская культура»⁵².

Для защиты как русских земель, так и земель, заселённых неславянскими племенами, не меньшее значение, чем борьба с немцами, имела борьба новгородцев со шведской агрессией: в 1164 г. было отражено нападение шведов на Лалогу, в 1187 г. имел место поход новгородцев на Сигтуу, в 1198 г. — поход против шведских владений в Финляндии, в 1240 г. — Невская битва, поход против шведов в 1294 г., осада Выборга, возвращение Корелы в 1295 г., разрушение Ландскроны в 1300 г., поход в Финляндию в 1310 г., отражение шведской агрессии в 1313 г., взятие Або в 1318 г., осада Выборга в 1322 г., постройка Орешка в 1323 г., разгром шведского похода в 1338 г., отражение похода Магнуса в 1348 г., поход в Финляндию в 1340 г., отражение набегов в 1392 г., 1411, 1444—1448 гг. и т. д. Простой и неполный перечень событий показывает, какую огромную непрерывную борьбу пришлось вести Новгороду против агрессоров. Изучение истории этой борьбы — одна из важнейших задач.

В данном случае, как всегда, нужно учитывать различное отношение разных классов к этой борьбе, которая далеко не всегда представляла единый порыв всего народа. В новгородском войске, кроме княжеской дружины, участвовало народное ополчение, представлявшее самые широкие слои населения Новгорода и Новгородской

земли. Хотя боярство обычно не меньше других слоёв населения было заинтересовано в отражении чужеземной агрессии, его политика из-за узко классовых, эгоистических интересов была двойственной.

Особенно ясно это прослеживается на истории псковского боярства, часть которого в XIII в. вступила в сговор с рыцарями-тевтонами и уступила им ряд русских владений в Прибалтике. Часть псковского боярства совместно с немцами в 1210—1211 гг. совершила нападение на Поморье⁵³, помогала немцам в 1210 г. в борьбе с эстами и «уступила» им часть земель⁵⁴, общеизвестна измена псковских бояр во главе с Твердилой Иванковичем и т. д. Таким образом, уже в XIII в., в период, когда политика новгородского боярства ещё не привела его к прямой измене интересам русского народа, в период, когда оно принимало активное участие в защите русских земель, бояре эпизодически приносили в жертву своим узко классовым интересам общенародное дело.

Подобные факты широко известны в истории. Достаточно напомнить, что польские князья далеко не всегда защищали славян от германской агрессии. Когда этого требовали их личные выгоды, они совместно с немецкими маркграфами грабили славянские земли.

Если мы учтём классовые корни внешнеполитических мероприятий Новгородского государства, то это поможет нам понять многие сложные вопросы из истории дипломатии и военного дела.

Роль Новгорода менялась по мере формирования русского национального государства, происходившего в неразрывной связи с отражением агрессии внешних врагов. Постепенно политика боярской олигархии от вооружённого отпора иноземцам скатывалась к прямой измене, к заключению с ними вассальных договоров, направленных против Москвы. Ярким тому примером служит отношение Новгорода Великого с литовскими князьями. От энергичного сопротивления Литве эти отношения эволюционировали к заключению изменнического, вассального договора с литовским великим князем Казимиром в 1470—1471 годах.

Хорошо разработан в нашей исторической литературе и вопрос о вхождении Новгорода в состав русского централизованного государства. Доказана прогрессивность этого события, прослежена его история. Однако и в специальных исследованиях, и в обобщающих трудах, и в учебниках освещение этого вопроса авторы начинают с событий второй половины XV в., обычно непосредственно с походов Ивана III на Новгород, затрагивая также и поход Василия II.

Конечно, события, происходившие в княжение Ивана III, в частности походы 1471 и 1477—1478 гг., имели важнейшее значение. Однако нельзя ограничиваться освещением только этих событий. Вклю-

⁵² Л. Мадзуевич. Новгород и Таллин. «Краткие сообщения ИИМК». Вып. X, стр. 51, 1941.

⁵³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 115.

⁵⁴ Там же, стр. 136 и далее.

чение Новгорода в состав русского централизованного государства было не случайным явлением, а имело свою длительную, закономерную предисторию, которую необходимо изучать на общем фоне социально-экономических процессов, происходивших на Руси в XIV—XV веках.

В самом деле, если в низовских землях вторая половина XIV—XV вв. характеризуется резким усилением центростремительных сил, объединением княжеств и городов вокруг Москвы, уничтожением уделов и усилением роли центральной власти, власти великого князя московского, а следовательно, и концентрацией сил, необходимых для прогресса в экономике и для обороны от внешнего врага, то для Новгорода в этот же период характерны децентрализация, раздробление сил, отпадение важнейших земель и городов.

В 1347 г., по болотовскому договору, от Новгорода отпал Псков, быстро подпавший под влияние Москвы. В конце XIV в. пошатнулось господство Новгорода в землях и колониях. В 1397—1398 гг. в Двинской земле произошло поддержание московским великим князем восстание против власти Великого Новгорода. Хотя оно и было подавлено, но самый факт явился ярким примером развития центробежных тенденций в Новгородских землях. В самом Новгороде во второй половине XIV—XV вв. окончательно восторжествовало федеральное правление.

Деление административной, судебной и военной организаций по кварталам и улицам характеризует «аристократический характер правления в Великом Новгороде»⁵⁵ и является вместе с этим выражением ослабления Новгородской республики. В связи с резко противоположным отношением боярской правящей олигархии и основной массы ремесленного населения к Москве ослабляется и военная сила Новгорода. Если в XII—XIII вв. новгородское ополчение нередко приобретало всенародный характер, как это было, например, в 1148 г., когда все новгородцы, способные носить оружие, пошли в поход с Изяславом⁵⁶, или под руководством Александра Невского против шведов и немцев, то в Шелонской битве «чёрные люди» либо совершенно отказывались принимать участие либо, мобилизованные силой, вели себя пассивно. Характерно, что если против немецких и шведских захватчиков новгородские «чёрные люди» поднимались в бой по первому зову, то против восставших «чёрных людей» другого города (например, Торжка) и против московского великого князя они вообще отказывались выступать.

Ослабление военно-политической мощи Новгородской боярской республики, федерализация государственной организации в результате торжества аристократической формы правления и восстания в Новгородских землях и колониях облегчили московскому великому князю постепенное включение в великое Московское княжество бывших Новгородских земель и решительное вмешательство в новгородские дела. Об этом ярко свидетельствуют новгородские грамоты и договоры, характеризующие этот процесс, проявлявшийся в различных формах, от получения московским великим князем временного права на сбор чёрного бора с отдельных Новгородских земель до полного исключения земель из юрисдикции Великого Новгорода.

Основная масса ремесленного населения Великого Новгорода тяготела к Москве и вопреки интересам новгородской правящей знати активно боролась за включение Новгорода в состав русского централизованного государства. Об этом свидетельствует, в частности, требование «чёрных людей» на вече 1470 г. признать Ивана III государем Новгорода.

Конечно, не только низы новгородского общества, но и торгово-ремесленные верхи его были заинтересованы во включении Новгорода в состав русского централизованного государства. Боярская партия составляла в Новгороде к концу периода его независимости незначительное меньшинство. Приближалась неизбежная развязка, наступившая в 1477 году.

В настоящей статье затронуты далеко не все вопросы истории Новгорода. Да и из поставленных вопросов не все одинаково разработаны в нашей исторической литературе. Необходимо детальное освещение всех без исключения сторон истории Новгорода — его социальной, политической и культурной жизни. Однако в процессе исследования истории этого государства, по моему мнению, в первую очередь следует разработать следующие проблемы: 1) этногенез новгородских славян и участие Новгородской земли в сложении великорусской народности; 2) возникновение Новгородского государства в связи с проблемой происхождения русского государства вообще; 3) история классовой борьбы в Новгороде и проблема своеобразия его политического строя; 4) история Новгородской земли, история деревни, развитие феодальных отношений и смена форм ренты; 5) история внешней политики и военная история Новгорода. Другие проблемы, также немаловажные, мы не включаем в список первоочередных лишь потому, что они сравнительно лучше разработаны.

⁵⁵ М. Тихомиров. Указ. соч., стр. 163.

⁵⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 40.